

На правах рукописи

БЕКМУРЗАЕВА Феруза Шухратовна

**АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ *ЛОШАДЬ /
КОНЬ И HORSE / MARE* В КРОССКУЛЬТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ
КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2021

Работа выполнена на кафедре общего и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Научный руководитель:

Лучинская Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»;

Официальные оппоненты:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»;

Орлова Олеся Геннадьевна, доктор филологических наук, и.о. заведующего кафедрой иностранных языков, профессор ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет».

Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет».

Защита диссертации состоится 06 октября 2021 года в 9.30 на заседании диссертационного совета Д 212.101.19 при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1484>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.101.19
кандидат филологических наук

В.А. Крыжановская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Активное изучение онтологии языка, ознаменовавшее переход к антропоцентрической парадигме, обусловило повышенное внимание ученых-исследователей к когнитивным и культурологическим аспектам языка. Язык научным сообществом стал восприниматься не только как важнейшее средство человеческого общения, но и как информационная система накопления, хранения и передачи информации (опыта) с помощью совокупности входящих в него языковых единиц. Эта структурированная система человеческого опыта и знаний в научной среде получила название языковой или наивной картины мира, которая формирует другие картины мира (концептуальную, национальную и др.).

На нынешнем этапе своего генезиса лингвистическая наука переосмысляет значение естественного языка, который отражает определенный способ восприятия мира, диктуемый в качестве облигаторного для всех носителей языка, вследствие чего вызывает интерес ученых-исследователей к изучению языковой картины мира и ее основного термина – концепта (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.Н. Базылев, Т.В. Булыгина, С.Г. Воркачев, Л.А. Исаева, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Д.С. Лихачев, В.А. Лукин, Е.Н. Лучинская, С.Е. Никитина, М.В. Пименова, Е.Н. Рядчикова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев и др.).

В данной работе мы придерживаемся трактовки концепта как особого ментального образования. Так трактует концепт В.И. Карасик. Как он полагает, концепты есть «ментальные образования, осознаваемые типизируемые фрагменты опыта, хранящиеся в памяти человека» [Карасик, 2004]. Под ментальным образованием понимается в том числе концепт. Данные термины используются как синонимичные.

Особую значимость в науке о языке представляют компаративные исследования [Бодуэн де Куртенэ, 1963; Гак, 1976; Bally, 1932; James, 1969; Lado, 1957], раскрывающие этноспецифику ментальности носителей определенного языка. Компаративный анализ позволяет выявить конвергенцию и дивергенцию в использовании языковых средств различными языками [Гак, 1989]. Определить этноспецифику возможно через моделирование концептов, представляющих фрагмент определенной национальной картины мира.

Ученые полагают, что человек, с момента рождения, помещен в культурное пространство, в котором накоплен многовековой общечеловеческий опыт [Свасьян, 1986; Уайт, 1997]. Человек – субъект и объект познания культуры, поэтому новая отрасль лингвистики – лингвокультурология, предметом которой выступает изучение и описание семантики языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их живом, синхронном употреблении, формируемая посредством взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры [Драч, 2005], становится приоритетным направлением (В.Н. Телия, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.А. Воробьева, А.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова,

И.А. Стернин, О.Г. Почепцов, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова, А.А. Зализняк, М.В. Пименова, Р.М. Фрумкина, О.А. Корнилов, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, Н.И. Толстой и др). Язык становится способом проникновения в современную национальную ментальность и рассматривается как «хранитель тайн мироздания», концепт становится способом изучения культуры через язык, а культура – планом содержания плана выражения языка. «Опыт языка есть взгляд на мир; поскольку человек имеет мир только в своем сознании, постольку его опыт откладывается только в его языке. Только взгляд на язык есть взгляд на мир» [Liebrucks, 1965].

Настоящее диссертационное исследование посвящено лингвокультурологическому анализу концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* в русской и английской языковых картинах мира.

Одним из ключевых направлений концептуальных исследований выступает изучение концептуальных признаков и сопоставление фрагментов картин мира в разных языках. Некоторые концепты отдельных лингвокультур недостаточно описаны, поэтому перед сегодняшней наукой стоит задача проанализировать их как можно глубже. Кроме того, не вызывает сомнения тот факт, что исследование концептов очень важно для интерпретации культуры и миропонимания как отдельно взятого этноса, так и человечества в целом. С древнейших времен отмечались различия в культурах разных народов и предпринимались попытки не только описать данные различия и объяснить их причины, но и выявить что-то общее, характерное для всех национальных культур.

Актуальность выполненного исследования состоит в изучении одного из фрагментов языковой картины мира, представленного концептами *лошадь / конь* и *horse / mare* в аспекте ведущих направлений современной лингвистики – лингвокультурологии и концептуальных исследований. Анализ лингвокультурных концептов позволяет раскрыть специфику ментальности народов и их культуры посредством языка.

Несмотря на огромное количество диссертационных работ, посвященных изучению и описанию разнообразных концептов и моделированию их структур, в лингвистике меньше всего исследованы анималистические ментальные образования – концепты животного мира и до сих пор не существует работ, посвященных сопоставительному исследованию анималистических концептов в русской и английской языковых картинах мира.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые комплексно, с лингвокультурологической и когнитивной позиций, в синхронно-диахронном аспекте смоделированы структуры, объединяющие когнитивные признаки анималистических концептов в сопоставительном описании репрезентантов концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* в русской и английской языковых картинах мира.

Объектом реферируемого исследования являются структуры анималистических концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* и способы актуализации их признаков в русской и английской языковых картинах мира.

Предметом исследования выступают языковые конструкции, содержащие репрезентанты концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*.

Материал исследования включает 10136 языковых конструкций с лексемами-репрезентантами концепта *лошадь / конь* и 9110 языковых конструкций с лексемами-репрезентантами концепта *horse / mare*. Отбор фактического (языкового) материала производился из лингвистических корпусов (Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru), Британский национальный корпус (<https://www.english-corpora.org/bnc/>), корпус Гуттенберга (www.gutenberg.org)), а также из русских и английских народных сказок и иных жанров художественного дискурса, представляющие различные функциональные стили языка. Материал исследования также сформировали данные этимологических, историко-этимологических, толковых словарей современного русского и английского языков, а также словарей символов.

Цель работы – реконструкция структур исследуемых концептов.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. в соответствии с целями настоящего исследования определить, описать и уточнить ключевые термины и понятия когнитивной лингвистики и лингвокультурологии;
2. рассмотреть этимологию лексем-репрезентантов концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* с целью определения, описания и сравнения мотивирующих признаков данных концептов;
3. изучить толковые словари и фактический материал и на основании выделенных сем и семем репрезентантов исследуемых концептов описать и сопоставить понятийные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*;
4. определить и описать образные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* на основе анализа языкового материала из лингвистических корпусов и художественных произведений;
5. определить и описать символические признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* на основе анализа языкового материала из лингвистических корпусов и художественных произведений, а также словарей символов и энциклопедий;
6. сравнить и сопоставить когнитивные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*, обобщить полученные данные об актуальности и средствах объективации всех выявленных признаков, установить общие и этноспецифические характеристики данных концептов;
7. воссоздать структуры концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют основополагающие труды отечественных и зарубежных ученых по когнитивной лингвистике (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачѳ, В.В. Колесов, С.Х. Ляпин, В.А. Маслова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), лингвокультурологии (Ю.Д. Апресян, А.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.А. Воробьева, А.А. Зализняк, В.И. Карасик, О.А. Корнилов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Е.Н. Лучинская, В.А. Маслова, М.В. Пименова, З.Д. Попова,

О.Г. Почепцов, Е.Н. Рядчикова, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, Р.М. Фрумкина и др.), концептуальной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.Н. Базылев, Т.В. Булыгина, С.Г. Воркачев, Л.А. Исаева, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Д.С. Лихачев, В.А. Лукин, С.Е. Никитина, М.В. Пименова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев и др.), исследованиям языковой картины мира (Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов и др.).

Гипотеза данного исследования состоит в том, что в ряду ментальных образований выделяются гендерно обозначенные анималистические концепты *лошадь / конь* и *horse / mare* с присущими им универсальными и специфическими этнокультурными когнитивными признаками в русской и английской языковых картинах мира, обусловленными ментальностью этих народов.

Антропоцентричность современной научной парадигмы обуславливает междисциплинарные методологические подходы в изучении лингвистических явлений, отвечающих новым культурным реалиям. Так, для осуществления поставленных задач в диссертации использовались следующие **методы** исследования:

1. метод концептуального анализа, разработанный Санкт-Петербургско-Кемеровской школой концептуальных исследований (реконструкция и описание групп признаков, составляющих структуры анализируемых концептов);

2. сравнительно-сопоставительный метод (выявление утвердившихся в этнолингвокультуре когнитивных признаков исследуемых концептов);

3. метод компонентного (семного) анализа (выявление мотивирующих и понятийных признаков на базе анализа смысловых оттенков (сем и семем) языковых единиц – репрезентантов концепта);

4. описательный метод (обобщение полученных результатов исследования);

5. метод количественного подсчета (представление статистических данных по способам актуализации признаков изучаемых концептов в языковом материале);

6. семантико-когнитивный метод моделирования (воссоздание структур исследуемых концептов как единиц национальной концептосферы, национальной культуры).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проведенное исследование способствует развитию лингвокультурологии и лингвоконцептологии, расширяет круг анализируемых кросскультурных анималистических концептов в синхронно-диахронном отношении, конкретизирует научные положения о проблеме языка и мышления, языка и культуры, раскрывает особенности восприятия мира разными этническими группами.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности применения результатов исследования в теоретических курсах общего

языкознания, лингвострановедения, этнолингвистики, лингвокультурологии, лексикологии, межкультурной коммуникации, стилистики русского и английского языков, теории перевода, а также в лексикографической практике составления идеографических словарей и словарей концептов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Признаки, лежащие в основе номинации концептов, указывают на первичные представления о данных объектах в сознании современных носителей языка. Обилие выявленных мотивирующих признаков (16 – *лошадь / конь* и 11 – *horse / mare*) в структурах исследуемых концептов свидетельствует об их давней истории зарождения и смысловой синкретичности, как в русском, так и в английском языках. Первопризнаки не утратили своей актуальности: они существуют в своих первоначальных формах, которые сохраняются в виде понятийных, категориальных признаков, либо обрастают новыми, которые могут быть выявлены в современных контекстах, трансформируясь в образные и символические в национальных языковых картинах мира.

2. Концепты *лошадь / конь* и *horse / mare* имеют отличную, многоступенчатую структуру, основанную на принципе иерархичности. Исследуемые концепты носят целостный характер и представляют собой сложноорганизованную систему, которую образуют различные группы концептуальных признаков: мотивирующие, понятийные, категориальные, образные и символические с разной частотностью объективации в языке, что свидетельствует о различной степени их актуальности для носителей современных русского и английского языков и отражает национально-культурную специфику их восприятия.

3. Базовые характеристики концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*, включающие мотивирующие, понятийные и категориальные признаки, обладают наибольшей актуальностью, так как исследуемые концепты есть реально существующий в физическом мире объект животного мира, что определяет специфику структур исследуемых концептов.

4. В английской языковой картине мира концепт *horse / mare* чаще всего реализуется с позиции понятийного осмысления, что указывает на то, что для носителей английского языка наибольшая актуальность свойственна признакам, которые уже прочно зафиксировались в сознании представителей данного народа. В структуре концепта *лошадь / конь* наиболее частотна группа образных признаков, что свидетельствует об образном восприятии и осмыслении данного фрагмента мира носителями русского языка.

5. Образные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* передаются посредством кодов русской и английской лингвокультур: лошадь сравнивается с признаками неживой природы (стихийные силы, вещества, артефакты, пища) и живой природы (растения, ландшафт, разные классы животных). Символические признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* представлены тремя кластерами признаков: «лошадь – соляренный символ», «лошадь – символ дуальности» и «лошадь – хтонический символ».

Символические признаки указывают на мифологическую и религиозную составляющие структур изучаемых концептов.

6. Введение нового термина в лингвистику – *анималоцентризм* – обусловлено особым положением животных в жизни человека и человека в жизни животных, что находит отражение в соответствующих кодах лингвокультуры, носящих универсальный характер.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования неоднократно обсуждались на кафедре лингвистики Санкт-Петербургского Института иностранных языков и озвучивались в виде докладов на VI Международной научной конференции «Актуальные вопросы современной филологии» (С-Петербург, Институт иностранных языков, апрель 2015 г.), VII Международной научной конференции «Актуальные вопросы современной филологии» (С-Петербург, Институт иностранных языков, апрель 2016 г.), VIII Международной научной конференции «Актуальные вопросы современной филологии» (С-Петербург, Институт иностранных языков, апрель 2017 г.), XXIX Международной научной конференции «Традиции и инновации в современной лингвистике» (Бишкек, Киргизский государственный университет им. И. Арабаева, август 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов» (Казань, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, декабрь 2018 г.), Международной научной конференции «Тюркское языкознание XXI века: тюркская лексикология и лексикография» (Казань, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, сентябрь 2019 г.), Международной научно-практической конференции «IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках» (Москва, Российский университет дружбы народов, октябрь 2019 г.), Международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения» (Москва, Московский государственный институт культуры, октябрь 2019 г.), XXXIII Международной научной конференции «Языковые основы славянской, германской и тюркской ментальности» (Санкт-Петербург, Институт иностранных языков, ноябрь 2019 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков» (С-Петербург, Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО им. генерала армии А.В. Хрулёва, май 2019 г.), IV Международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре» (Севастополь, филиал МГУ им. Ломоносова, июнь 2020 г.), VI Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, Кубанский государственный университет, апрель 2021 г.).

По теме диссертации опубликовано 16 статей, из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов кандидатских диссертаций.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование, общим объемом 331 страница, состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы (208 наименований), интернет-источников (16 пунктов), списка словарей и энциклопедий (65 наименований), 35 приложений с описанием структур концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*: Приложение 1. Этимолого-исторические источники концепта *лошадь / конь*; Приложение 2. Мотивирующие признаки концепта, объективированные репрезентантом *лошадь*; Приложение 3. Мотивирующие признаки концепта, объективированные репрезентантом *конь*; Приложение 4. Мотивирующие признаки концепта, актуализируемого лексемами-репрезентантами *лошадь / конь*, выявленные в языковом материале; Приложение 5. Этимолого-исторические источники концепта *horse*; Приложение 6. Мотивирующие признаки концепта, объективированные репрезентантом *horse*; Приложение 7. Этимолого-исторические источники концепта *mare*; Приложение 8. Мотивирующие признаки английского концепта, вербализованного репрезентантом *mare*, по данным этимологических словарей; Приложение 9. Мотивирующие признаки концепта *horse / mare*, выявленные в языковом материале; Приложение 10. Дефиниции лексемы *лошадь*, представленные в толковых словарях; Приложение 11. Понятийные признаки концепта, объективированные репрезентантом *лошадь*; Приложение 12. Понятийные признаки концепта, объективированные репрезентантом *конь*; Приложение 13. Дефиниции лексемы *horse*, представленные в толковых словарях английского языка; Приложение 14. Понятийные признаки английского концепта, вербализованного репрезентантом *horse*, по данным лексикографических источников; Приложение 15. Понятийные признаки английского концепта, вербализованного репрезентантом *mare*, по данным лексикографических источников; Приложения 16-32. Информация по отдельным признакам исследуемых концептов и их актуализации; Приложение 33. Структуры концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*; Приложение 34. Сводные данные по языковой актуализации концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* в русской и английской лингвокультурах; Приложение 35. Сводные данные по количествам когнитивных признаков в структурах концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*.

Всего в работе приводится 60 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении описываются актуальность работы, ее научная новизна, объект и предмет исследования, указывается материал исследования, определяются цель и задачи, выдвигается гипотеза, перечисляются основные методы исследования, обосновывается теоретическая и практическая ценность работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, описывается апробация работы.

В Главе 1 «Теоретические основы концептуальных исследований» приводится четыре параграфа, в которых обобщаются характерные

теоретические вопросы современных стыковочных лингвистических направлений, сформированных на основе языка и мышления, языка и культуры в рамках антропоцентрической парадигмы: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвоконцептология, лингвокультурная концептология и лингвоконцептология когнитивная. В рамках этого раздела рассматриваются такие основные термины и понятия, как *языковая картина мира*, *концептуальная картина мира*, *концепт*; рассматривается современное положение анималоцентрического направления в концептуальных исследованиях; описываются этапы концептуального моделирования структур концептов.

В данной работе в рамках лингвокультурологического подхода мы обращаемся к термину «концепт» с позиций ментального образования.

Будучи субъектом познания и хранителем определенной системы знаний об окружающей действительности, на рубеже XX–XXI вв. человек выдвигается из периферии в центр всякого лингвистического исследования, а его система знаний об окружающем мире становится *картиной мира*, понимаемая как «совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности» [Пименова, 2002].

Материальной формой закрепления мышления человека служит язык: «язык всем знаниям и всей природе ключ, во слове всех существ содержится картина» [Державин, 1864]. Л. Вайсгербер ввёл в метаязыковой аппарат лингвистики термин *языковая картина мира*.

По мнению многих исследователей, языковая картина мира, «запечатленная в языковых знаках система знаний о мире, а также способы получения и интерпретации новых знаний – и есть определенная концептуальная система и средство оформления концептуальной системы знаний о мире» [Пименова, 1999; Никитина, 2006; Урысон, 2003; Корнилов, 2003 и др]. Другими словами, языковая картина мира средствами языка эксплицирует концептуальную картину мира [Серебренников, 1988].

Однако объем термина “концептуальная картина мира” не совпадает с объемом термина “языковая картина мира”: в первом случае дифференцирующими признаками термина являются ‘сложная по своему строению’ и ‘многоуровневость’. «В языке существуют процессы архаизации и десемантизации, в концептуальной картине мира же аккумулируется всё, что когда-либо было познано, названо и освоено. Первый уровень в ней представляют архаичные, донаучные знания дописьменного периода. Далее появляется второй уровень знаний, который частично отражается в текстах. Следующие уровни – это систематизированные и несистематизированные знания различных наук. Язык сохранил эти знания в своих знаках и категориях (например, к категории живого в русской концептуальной картине мира относятся животные и человек, а также растения, которые живут и умирают; эта категория связана с категорией одушевленности – наделенности душой)» [Пименова, 2013].

Ключевым термином метаязыка когнитивной лингвистики и лингвокультурологии становятся, соответственно, когнитивный концепт и лингвокультурный (или культурный) концепт.

В лингвистике концепт рассматривается с разных сторон. Об этом свидетельствуют работы лингвистов, среди которых: Н.Д. Арутюнова [1999], С.А. Аскольдов [1997], Л.Г. Бабенко [2004], А.П. Бабушкин [1997, 2001], Н.Н. Болдырев [2001а, 2001б], А. Вежицкая [1997], С.Г. Воркачев [2003, 2007], В.З. Демьянков [1994], А.А. Залевская [2001, 2005], Л.А. Исаева [2012], В.И. Карасик [2005], Е.С. Кубрякова [2004], Д.С. Лихачёв [1993], Е.Н. Лучинская [2018], М.В. Пименова [2003; 2013], З.Д. Попова [2004], Е.В. Рахилина [1989], Е.Н. Рядчикова [2012], Г.Г. Слышкин [2004], Ю.С. Степанов [1997], Р.М. Фрумкина [1992], А.П. Чудинов [2012], Р. Лангакер [1990], Р.И. Павилёнис [1983], Дж. Лакофф [1988] и др.

К культурным концептам мы относим концепт *лошадь*, который является и национально-специфическим, и универсальным концептом. В современной лингвистике прослеживается особый интерес к изучению культурного концепта *лошадь*, чему посвящён отдельный параграф данного исследования.

В научной среде исследования анималистических концептов очень немногочисленны, и они не занимают определенную «нишу» в типологизации концептов. Среди всех исследований анималистических концептов *лошадь* как концепт животного мира чаще всего становился объектом всестороннего изучения (исследовательская работа Е.Н. Булатниковой, посвященная анализу концептов *лошадь* и *автомобиль* в русском языке в аспекте их семантической преемственности и смыслового соположения [2006], статья Л.А. Чибирова исследует культ коня у осетин в аспекте истоков и параллелей [2019] и др.). Однако он не подвергался комплексному сопоставительному исследованию с моделированием полной его структуры в русской и английской лингвокультурах на фоне анализа двух эквивалентных номинантов – репрезентантов концептов.

Отдельным параграфом представлен обзор современных толкований концепта, который свидетельствует о разнообразии и противоречивости его интерпретаций. В России много школ и направлений, у всех разная методика изучения концептов. Общим из приведенных определений является то, что: 1) концепт относится к ментальной сфере деятельности человека; 2) концепт определяется набором когнитивных признаков; 3) когнитивные признаки концепта образуют некую структуру (а структура всегда предполагает иерархию).

В данном исследовании, вслед за М.В. Пименовой, под концептом понимается «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004]. Будучи многомерным ментальным образованием [Карасик, 2004], концепт обладает определенной структурой – «совокупностью обобщенных групп и подгрупп признаков» [Пименова, 2005], «необходимых

и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [Когнитивная лингвистика, 2011]. «В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [Пименова, 2006]. Выбор ведущего определения термина *концепт* соответствует логике проводимого исследования.

Исходя из определения данного термина, строится методика его описания, которая проводится в соответствии с методикой, разработанной Санкт-Петербургско-Кемеровской школой концептуальных исследований, основанной профессором М.В. Пименовой [Пименова, 2019]. Применение данной методики обусловлено ее комплексным характером: поэтапном рассмотрении первичных (базовых) и вторичных концептуальных признаков, заключенных в языковых единицах концептов. Представленная методика была апробирована на примере докторских диссертаций [Пименова, 2001; Кондратьева, 2014 и др.] и целого ряда кандидатских диссертаций, охватывающих период с 2004 по 2020 гг. [Сергеева, 2004; Мошина, 2005; Бондарева, 2005; Демидова, 2010; Богданова, 2011; Романенко, 2012; Горянова, 2012; Рольгайзер, 2015; Захарова, 2017; Басова, 2018; Тиунова, 2019; Бакирова, 2020 и др.].

Первый этап исследования заключается в выборе ключевых слов – репрезентантов концептов. У одного концепта может быть несколько слов – его репрезентантов. Так, в русском языке исследуемый концепт вербализуется лексемами *лошадь* и *конь*, в английском языке концепт представлен лексемами *horse* и *mare*.

Второй этап исследования структур концептов начинается с выявления мотивирующих признаков концептов. Этот этап изучения концептуальной структуры осуществляется на основе анализа этимологических, историко-этимологических словарей. Затем выявленные мотивирующие признаки находятся в фактическом материале и делаются выводы об их актуальности / неактуальности в языковой картине мира рассматриваемого периода времени.

Следующий этап – описание образных концептуальных признаков. Образные признаки являются результатом вторичного переосмысления лексемы, репрезентирующей соответствующий концепт. «Этот этап выполняется на основе анализа фактического материала на предмет выявления образных концептуальных признаков живой и неживой природы, которые передаются посредством кодов, характерных для русской и английской лингвокультур» [Рольгайзер, 2015].

Четвертый этап заключается в «описании понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций слов – репрезентантов концептов, представленных в толковых словарях современного русского и английского языков. Сравнение различных толкований позволяет определить “пропущенные” в русских и английских словарях семы и семемы. Далее выполняется поиск обнаруженных признаков среди фактического (языкового)

материала и определяется их частотность, служащая критерием актуальности для современной русской и английской языковых картин мира» [Пименова, 2019].

На пятом этапе определяются категориальные признаки (дименсиональные (признаки размера, объема, веса), ценностно-оценочные признаки, квантитативные (количественные) и квалитативные (качественные) признаки, временные (темпоральные)). «Выявление таких признаков говорит о месте исследуемого концепта в ценностной национальной картине мира и позволяет соотнести его с определенной национальной шкалой ценностей» [Пименова, 2019].

На шестом этапе исследования описываются символические признаки концептов на основе словарей символов и анализа языкового материала.

Последний этап концептуального исследования состоит в «сведении выявленных признаков, образующих структуру концепта, и сопоставлении количественных данных в общей таблице; описание данных, представленных в таблице, с позиции частотности тех или иных признаков и их актуальности в языковом материале; определение национальной специфики и эквивалентности описанных признаков» [Рольгайзер, 2015].

В Главе 2 «Базовые структурные компоненты концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*» представлен анализ групп признаков исследуемых концептов. В отдельных параграфах описываются мотивирующие, понятийные и категориальные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*, которые дополняются таблицами, фиксирующими частотность их объективации.

«Реконструкция мотивирующих признаков в структурах исследуемых концептов, согласно данным словарей, позволила увидеть многочисленные процессы взаимовлияния языков, интраязыковые и иноязычные механизмы наложения языков друг на друга, а также помогла вычленивать из всей своей совокупности общие признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*» [Бекмурзаева, 2019].

Несмотря на то, что со временем форма *лошадь* стала обозначать родовое понятие, языковой материал все еще хранит в себе память, когда форма *конь* в общеславянском языке была единственной – на это указывает словообразовательное гнездо. В него входят лексические единицы: *конюшня, конокрад, коневод, конник, конница, конина, коновал, конюх, коневодство, конногвардеец, коновязь, конский*. В английском языке: *horse-furniture, horse-litter, horse trappings*. Важно указать, что асимметрия русских и английских имен концептов определяется тем, что *лошадь* способна выступать в качестве родового имени, а *mare* передает значение только *кобылы*.

Русская языковая картина мира представлена 16 мотивирующими признаками: ‘животное’ («*Лошадь – животное пугливое, ручное, ей чего-нибудь взбредет в голову, она и пошла скакать*»). Кин. По ту сторону); ‘приученное к седлу’ («*Входя на двор, я увидела необыкновенную суетливость и беготню людей полковника; увидела множество экипажей и верховых лошадей*»). Дурова. Кавалерист-девица); ‘кобыла / самка / лошадь’ («*Лошадь – кобылу Офелию – Виолетта купила за 40 тысяч*

рублей, но купила у неизвестных лиц, Офелию укравших...» Пищикова. Пятиэтажная Россия); ‘конь / жеребец / самец’ («– Если я правильно понял, это ваша **лошадь**? – осторожно поинтересовался дон Росендо. – Да, этот чертов **жеребец** из моего табуна...» Александр Волков. Зорро); ‘мерин / кастрированный самец / кастрированный жеребец’ («Степан трогал руками телегу, гладил **лошадь**. – Хорош **меринок!**.. Его бы, малый, овсецом кормить...» Вересаев. К жизни); ‘кляча’ («Пьян был. А **лошадь** пришла первой. Какая-то **кляча**». Лазарчук. Все, способные держать оружие...); ‘жеребенок’ («По прошествии же трех дней царевич увидел, что из маленького **жеребенка** сделался прекрасный **конь**». Сказка вторая о Иване-царевиче); ‘плохой’ («– Или **конь плохой** был у тебя?» Карнович. Придворное кружево); ‘боевой конь’ («Сколько раз **боевой конь**, круто повернувшись, взрыв копытами землю...» Шолохов. Тихий Дон); ‘скакун’ («... В целом казачьем полку нет ни одной лошади, равной моему Алкиду в быстроте, точно так же, как и в красоте, но все-таки не имею бесчеловечного тщеславия мучить своего товарища от пустого удовольствия взять верх над тощими **скакунами** Дона». Дурова. Кавалерист-девица), ‘двухлетний мерин’, ‘двухлетняя лошадь’, ‘неплодная женщина, корова’, ‘выросшее’, ‘дикий осел’, ‘безрогий’.

Признаки ‘двухлетний мерин’, ‘двухлетняя лошадь’ в явной форме не отражаются в языковом материале; они переходят в понятийный признак ‘возраст’. Концептуальные признаки ‘неплодная женщина, корова’ и ‘выросшее’, ‘безрогий’ настолько древние, что уже не осознаются носителями русского языка. Признак ‘дикий осел’ не представлен как таковой, он переосмысливается и продолжает функционировать сейчас как образный.

Концепт *horse / mare* характеризуется 11 мотивирующими признаками. Среди них: ‘животное’ («*Prince John replied not; but, spurring his **horse**, as if to give vent to his vexation, he made **the animal** bound forward to the gallery where Rowena was seated, with the crown still at her feet*». Scott. Ivanhoe); ‘четвероногое животное’ («... *He saw the Gadfly, with blood on his face, trampled under **the feet of horses** and soldiers and spies; and heard the savage curses of the captors, the yells of triumph and rage*». Voynich. The Gadfly); ‘быстрота, скорость’ («*“If he risks his own person and limbs, father,” said Rebecca, in doing such a Pray, child – pray for the safety of the good youth; and of the **speedy horse** and the rich armour*». Scott. Ivanhoe; «*It is **the fastest horse** in the six brigades of light cavalry...*» Doyle. The Exploits of Brigadier Gerard); ‘бежать’ («*Annie could see **horses running** in the big open arena by the stables...*» Evans. The Horse Whisperer); ‘скакун / прыгать, скакать, вскочить, перепрыгивать’ («*He did really well as a novice a year ago in some top class races in Ireland and, although he fell at the seventh in last year’s Gold Cup, he should be a more mature **horse** and a better **jumper** this season*». Guardian. Sport material); ‘ржать’ («*The horse’s head was lifted, and its nostrils were wide and red as it **neighed**, smelling battle afar*». Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers); ‘садиться на лошадь, сидеть верхом / по коням’ («*When this singular priest had finished speaking, he hastily armed himself with sword and lance, **mounted a war-horse**...*» Dickens. A Child’s History of England); ‘борона, плуг’ («*Old Zoey, my other companion, was often away all day **ploughing and harrowing**, cutting and turning out on the farm and so I was left on my own much of the time*». Morpurgo. War Horse); ‘взрослая / зрелая’ («*Both the harem stallion and **the adult mares** play a role in protecting the young and in keeping the young from straying from the band...*» McKinnon, Squires, Vaala. Equine Reproduction; «*A **mare** is said to be a **mature** horse as she is over 3 or 4 years of age, but still able to bear foals and take on her younger counterpart, the filly*». Sh. Lynne. M.A.R.E.S. – Mature, Attractive, Respectable, Even-Tempered, Single); ‘возраст’ («*Mare is a female horse*

or pony *over four years of age*». Eccles. Your First Horse – buying, feeding, caring); ‘кобыла / лошадь / самка’ («*I should say the grey mare was the better horse!*» Galsworthy. The Man of Property).

Исходя из присутствия общих мотивирующих признаков (5 признаков) в структурах исследуемых концептов, небезосновательно утверждать, что лошадь осознавалась носителями русской и английской лингвокультур похожим образом, а именно: ‘животное’, ‘кобыла / самка / лошадь’, ‘приученное к седлу / ‘садиться на лошадь, сидеть верхом / по коням’, ‘скакун / прыгать, скакать, вскочить, перепрыгивать’. Сюда относятся признаки русского концепта ‘двухлетний мерин’, ‘двухлетняя лошадь’ и английского – ‘взрослая / зрелая’, ‘возраст’, так как семантическая наполненность их тождественна.

Количество мотивирующих признаков исследуемых концептов указывает на то, что слова *лошадь / конь* и *horse / mare* древние. Признаки синкретичные, в дальнейшем они стали пополняться за счет расширения функций животного, а также путем выделения других – важных его качеств и характеристик.

Многочисленные примеры из Национального корпуса русского языка, Британского национального корпуса и иных языковых источников свидетельствует о том, что мотивирующие признаки русского и английского концептов до сих пор сохранились, претерпели трансформацию и функционируют на современном этапе развития языка в виде понятийных и других признаков концепта.

На основе анализа толковых словарей у исследуемого концепта *лошадь / конь* было отмечено 24 понятийных признака, у концепта *horse / mare* – 20 признаков. Общими признаками у сравниваемых концептов выступают: ‘крупное непарнокопытное животное сем. лошадиных’, ‘верховая’, ‘перевозка (людей / грузов)’, ‘конь для опорных прыжков, гимнастический конь’, ‘домашнее’, ‘вьючная’, ‘самец / жеребец’, ‘кавалерия’, ‘ржание’, ‘рабочая’. Все перечисленные признаки актуальны для русской и английской лингвокультур.

К специфическим понятийным признакам русского концепта относятся: ‘шахматная фигура’, ‘гребень крыши (конек)’, ‘Малый Конь’ (созвездие), ‘детская игрушка’, для английского – ‘вымершее животное’, ‘козлы’, ‘героин’, ‘игра’, ‘горнодобывание’. Эти признаки указаны в словарях, но они не нашли отражение в фактическом материале.

Анализ фактического материала позволил выделить 483 понятийных субпризнаков в структуре русского концепта и 314 понятийных субпризнаков в структуре английского.

В английской и русской языковых картинах мира понятийные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* формируют группы и подгруппы признаков по принципу иерархии. Все понятийные субпризнаки можно представить 4 большими классами: 1. (непарнокопытное) животное (семейства лошадиных), 2. витальные, 3. индивидуальные зооморфные и 4. социальные признаки. Высокой частотностью у концепта *лошадь / конь*

отличаются первый класс признаков (122 субпризнака составляют 46,08% от общего количества актуализаций понятийных признаков) и второй класс (228 витальных субпризнаков – 43,8%), у концепта *horse / mare* – только второй (156 витальных субпризнаков – 46,9%). К среднечастотным для концепта *horse / mare* относится первый класс когнитивных субпризнаков: 74 признака животных составляют 30,7%. 84 (6,3%) русских и 43 (12,4%) английских индивидуально зооморфных субпризнаков и 52 (3,8%) и 42 (9,8%) соответственно социальных субпризнаков являются малоактуальными для русской и английской языковых картин мира.

К первому классу относятся 3 подкласса понятийных признаков: «животное», представленное 9 (3,6%) и 7 (2,8%) признаками концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*; «предназначение», включающее 82 понятийных признака (57,9%) и 51 (52,06%) признак «снаряжение» – 32 (38,4%) и 17 (45,09%). Самым обширным для русского сознания и самым актуальным для обоих языков выступает второй подкласс, что обусловлено использованием лошади для выполнения каких-либо бытовых дел.

Ко второму классу относятся признаки: собственно витальные, перцептивные и соматические. В сравниваемых концептуальных системах собственно витальные признаки являются самыми обширными и частотными (*лошадь / конь* – 136 субпризнаков (59,1%), *horse / mare* – 84 субпризнаков (59,5%)).

Соматические признаки у исследуемых концептов занимают среднюю позицию в данной группе когнитивных признаков: 38,5% (86 субпризнаков) в структуре русского концепта и 39,08% (66 субпризнаков) – в английской.

Наименьшая частотность свойственна перцептивным признакам: 2,2% (6 признаков) и 1,3% (6 признаков) от общего количества примеров актуализации в рамках данной группы когнитивных признаков концептов русской и английской лингвокультуры.

Следующий класс (индивидуально зооморфных) признаков содержит 4 подкласса: признаки характера, половые признаки, эмотивные и ментальные.

Для русской лингвокультуры признаки характера составляют 47,7% (29 признаков) от всего количества актуализаций этого подкласса, затем следуют 35 эмотивных признаков с актуализацией в 35,7%, меньшая актуальность свойственна 20 ментальным признакам – 16,4%. Все 5 половых признаков относятся к мотивирующим, поэтому процентное соотношение отсутствует.

У концепта *horse / mare* было обнаружено 4 половых признака с частотой языковой актуализации в 78,2%. Все остальные подклассы признаков относятся к малочастотным: 17 признаков характера (9,1%), 11 эмотивных признаков (7,01%) и 11 ментальных (5,6%).

Важно отметить, что общими для сравниваемых концептов выступают половые признаки, поскольку для русского сознания этот подкласс также является самым актуальным.

Четвертый класс представляет группу из интерперсональных признаков. В данной группе признаков лошадь описывается через признаки субъектно-объектных отношений: 52 признака *лошади / коня* составляет 100% от общего

количества объективаций данного класса когнитивных признаков и 42 признака *horse / mare* – 100%.

Что касается категориальных признаков, у сравниваемых концептов данная группа представлена дименсиональными, темпоральными, ценностно-оценочными и эстетическими признаками.

У исследуемых концептов самыми релевантными являются ценностно-оценочные признаки: у *лошади / коня* было зафиксировано 72 признака с актуализацией 84,9%, у *horse / mare* – 31 признак с актуализацией 85,4%. Разнообразие ценностно-оценочных признаков среди категориальных обусловлено постоянным взаимодействием человека с животным.

К средним по частоте для русского концепта относятся эстетические признаки – 9,4% (27 признаков), для английского – дименсиональные признаки – 12,7% (11 признаков).

У концепта *лошадь / конь* самую низкую степень актуализации (7,6%) имеют 12 дименсиональных признаков (5,06%) и 3 темпоральных признака (0,5%); у концепта *horse / mare* – 8 эстетических признаков (1,8%). Темпоральные признаки в английской лингвокультуре отсутствуют.

Глава 3 «Образно-символические признаки в структурах концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*» рассматривает образные признаки концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*, представленные признаками неживой и живой природы, а также символическими признаками.

В русской лингвокультуре в структуре концепта *лошадь / конь* обнаружено 93 образных признаков, что почти в 4,5 раза превышает количество когнитивных признаков английской языковой культуры (21 признак). В английской лингвокультуре языковых актуализаций, по данным анализа фактического материала, в 7 раз меньше, чем в русской: 28 примеров.

В русском и английском языковом сознании лошадь чаще всего актуализируется образными признаками неживой природы (107 актуализаций (51,6%) и 12 актуализаций (42,8% соответственно) от общего количества образных признаков).

Для русского концепта среди образных признаков неживой природы высокой частотой актуализаций обладают признаки стихий (43,9%), где лошадь чаще всего ассоциируется со стихией огня («Холодея от ужаса – потерял, – хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться – тут он, тут **конь-огонь!**» Астафьев. Последний поклон). Менее частотными оказываются признаки артефактов, которые актуализируются 22-я признаками и составляют 32,7% от общего количества примеров данной группы («И я поспешил в порт, чтобы успеть на вечернюю лошадь «Осло-Гуанчжоу-Жмеринка-Москва»». Босмит. Мороз не страшен). Отметим, что артефактные признаки в русской языковой картине мира представлены более широко. Признаки веществ составляют 19,6% от общего количества примеров данной группы («Как и в “Формуле-1” **железный конь** – не машина, а продолжение тела». Кувичка. Нет больше сил смотреть на солнце). Самыми малочисленными являются признаки пищи – 3,7% («Она стройна, изящна, светлокудра, А **конь** под нею бел, как **молоко**...» Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента). В структуре английского концепта *лошадь* больше всего

выражается через образ стихий и артефактов, что составляет равный процент (33,3%) от общего количества примеров данной группы («*And how many horses shine red like fire in the evening sun?*» Morpurgo. War Horse; «*...Pumping the brakes and taking the truck down through its nine gears, making the big four-twenty-five horsepower Cummins engine roar in complaint.*» Evans. The Horse Whisperer). Низкую степень актуализации имеют 2 признака веществ (16,6%) («*Fortunately, or unfortunately, that is easy work now: the iron horse speeds you along, you steam under the shades of Knockfarrel, which has on its summit a very fine vitrified fort...*» Hedderwick. Highland journey) и 2 признака пищи (16,6%) («*... Telling him that they had eaten all the horses, all the dogs, and all the rats and mice that could be found in the place...*» Dickens. A Child's History of England).

Что касается образных признаков живой природы, в сравниваемых лингвокультурах обнаружено 60 когнитивных признаков. Концепт *лошадь / конь* объективируется 54 когнитивными признаками живой природы, представленных 100 актуализациями (48,3%), концепт *horse / mare* содержит 12 образных признаков живой природы, репрезентируемых в 16 примерах (57,1%).

У русского концепта 22 зооморфных признака актуализировано в 52% примерах («*...Вдобавок еще конь захромал – всю дорогу тащился как улитка.*» Абрамов. Две зимы и три лета), у английского концепта 6 признаков репрезентировано в 50% примерах от общего количества актуализаций образных признаков живой природы («*The horse took the point at once and released me like an obedient dog dropping a bone.*» Herriot. All Creatures Great and Small).

К средним по частоте для русского и английского концептов относится класс антропоморфных признаков (28 признаков (42%) и 4 признака (31,25%) соответственно). Этот класс состоит из трёх подгрупп: признаки социального статуса *лошади / коня* (19 признаков) составляют 66,6% от общего количества объективаций данного класса когнитивных признаков («*А как третий-то товарищ, то мой добрый конь...*» Пушкин. Капитанская дочка) и 3 признака *horse / mare* – 80% («*And I will give you also a third horse, a very little one. The first two you may sell; but never, never part with the little one, for you will find him the best friend that ever man had.*» Ruth Manning-Sanders. The Little Humpbacked Horse). Средняя частотность свойственна только признакам занятий *лошади / коня* – 6 признаков (26,1%) («*И сам наш конь – Ястреб – на исходе горы, вверху встревал в песню...*» Астафьев. Последний поклон). Самыми малочисленными оказываются специфическая для русской концептуальной картины мира подгруппа религиозных признаков – 3 признака (7,1%) (для английского языкового сознания эта подгруппа не свойственна) («*Икона часто висела в конюшне – на Руси полагали, что лошадь сама умеет Богу молиться.*» Еремеева. Лекции по русскому искусству) и 1 признак занятий *horse / mare* – 20% («*I looked back and could just see the two horses; they had returned to the shallows and were playing together, chasing each other jerkily, their feet splashing in the water.*» Herriot. All Creatures Great and Small).

Самую низкую степень актуализации для концепта *лошадь / конь* имеют 3 вегетативных признака (5%) («*В 1835 году у меня был один только конь – липовая ветка, верхом на которой я гарцовал по саду, и в то время я отлучался...*» Данилевский. Знакомство с Гоголем) и 1 ландшафтный (1%) («*– Ну, брат! – сказал Ижорский, когда Рославлев сел на лошадь, держись крепче; конь черкесской, настоящий Шалох.*» Загоскин.

Рославлев, или Русские в 1812 году), для концепта *horse / mare* – 1 вегетативный признак ‘дерево’ («*You ought to have a **wooden horse** on wheels, that you ought!*» Carroll. Through the Looking-Glass and what Alice found there) и 1 ландшафтный признак ‘ручей’ (12,5% и 6,25% соответственно) («*Does he not shine like silver, and **run as smoothly as a swift stream**? He has come for me: the **horse** of the White Rider*». Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers).

Перечень символических признаков составляет 657 актуализаций для русской языковой картины мира и 580 – для английской. Лошадь в сравниваемых лингвокультурах выступает в качестве солярного символа, дуального и хтонического.

Первая когнитивная модель признаков «лошадь – солярный символ» для русской лингвокультуры характеризуется высокой степенью частотности (86,3%) и включает в себя 18 символических признаков («*Загрохотали отодвигаемые стулья и духоту подвала всколыхнула грозная боевая песня: Воздух, вода, земля и огонь, **С неба спускается солнечный конь***». Митьки. Громпопыка); для английской лингвокультуры самой актуальной является последняя когнитивная модель «лошадь – хтонический символ» («*Towards morning I was possessed by **a kind of nightmare**; I felt the fiend's grasp in my neck, and could not free myself from it; groans and cries rung in my ears*». Shelley. Frankenstein Or, The Modern Prometheus): состоит из 10 признаков и составляет 77,5% от общего количества актуализаций.

Средняя актуальность объединяет 12 хтонических символических признаков в русском языковом сознании (13,08% от общего количества символических признаков) и 11 солярных символов, свойственных для носителей английского языка (22,4% от общего количества символических признаков).

Отличительной чертой для русской языковой картины мира является когнитивная модель «лошадь – символ дуальности»: 0,6% (в сознании носителей английского языка эта модель отсутствует) («*Однако очень возможно, что конь как ночное небо есть вторичное образование от коня дневного, от коня солнца*». Пропп. Исторические корни волшебной сказки).

Любой концепт многомерен: он «слагается из различных по происхождению признаков, отличающихся по времени образования. Концепты имеют разное языковое воплощение – они способны проявляться не только через номинант-имя концепта, но и с помощью разных средств языка, в том числе синонимические. Признаки концептов проявляются на разных уровнях языка – объективируются посредством слов и их производных, словосочетаний, предложных конструкций» [Бекмурзаева, 2019].

Примеры, приведенные в параграфах, говорят о том, что исследуемые концепты до сих пор актуализируются своими мотивирующими признаками в исследуемых языковых картинах мира. «Концепты значимы для многих произведений устного народного творчества, разные их признаки акцентируются в художественном дискурсе. Анализируемый материал показывает, что они до сих пор являются достаточно продуктивными в процессе объективации концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*. Это

свидетельствует о том, что первопризнаки не утратили свою актуальность, они сохраняются в виде понятийных признаков. Они развиваются, дополняются новыми признаками, которые, переосмысляясь, переходят в разряд категориальных, образных и символических признаков» [Бекмурзаева, 2019].

Важно отметить, что признаки определенного фрагмента мира не в полном объеме находят отражение в толковых словарях, поэтому очень важно анализировать собранный языковой материал на предмет обнаружения признаков, диктуемых языковым материалом, но отсутствующие в словарях.

Среди всех классов признаков были отмечены как универсальные, так и специфичные для каждого концепта признаки, что обуславливает различную частотность отмеченных когнитивных признаков сравниваемых концептов.

Комплексное концептуальное исследование на основе фактического материала и словарных источников позволило выделить в структуре концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* базовые структурные компоненты и образно-символические (общим количеством 760 и 437 когнитивных признаков) (см. Приложения 34,35).

Приложение 34. Сводные данные по языковой актуализации концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* в русской и английской лингвокультурах

№	Когнитивные признаки	<i>лошадь / конь</i>	%	<i>horse / mare</i>	%
I.	Мотивирующие признаки	4770	47,05%	5580	61,2%
II.	Понятийные признаки	3949	38,9%	2285	25,08%
III.	Категориальные признаки	553	5,4%	637	6,9%
IV.	Образные признаки	207	2,04%	28	0,3%
a.	Образные признаки неживой природы	107	1,05%	12	0,13%
б.	Образные признаки живой природы	100	0,9%	16	0,17%
V.	Символические признаки	657	6,4%	580	6,3%
	Всего:	10136	100%	9110	100%

Приложение 35. Сводные данные по количествам когнитивных признаков в структурах концептов *лошадь / конь* и *horse / mare*

Когнитивные признаки		<i>лошадь / конь</i>		<i>horse / mare</i>	
		количество признаков	%	количество признаков	%
I.	Мотивирующие признаки	16	2,1%	11	2,5%
II.	Понятийные признаки	24 (в толковых словарях)	3,1%	20 (в толковых словарях)	4,5%

		483 (фактический материал)	63,5%	314 (фактический материал)	71,8%
III.	Категориальные признаки	114	15%	50	11,4%
IV.	Образные признаки	93	12,2%	21	4,8%
а.	Образные признаки неживой природы	39	5,1%	9	2,05%
б.	Образные признаки живой природы	54	7,1%	12	2,7%
V.	Символические признаки	30	3,9%	21	4,8%
	Всего:	760	100%	437	100%

Наибольшая актуализация в языковом материале характерна группе мотивирующих признаков (4770 для концепта *лошадь / конь* и 5580 для *horse / mare*, что составляет 47,05% и 61,2% соответственно от общего количества объективаций всех признаков) и понятийных (3949 – 38,9% и 2285 – 25,08%).

Понятие внутренней формы языка В. фон Гумбольдт наполнял мировоззренческим и идиоэтническим содержанием. У русского и английского репрезентантов концептов в основу наименования были положены практически одинаковые признаки. Какие-то мотивирующие признаки были утрачены в процессе исторического развития.

Так, всего в ходе анализа было выделено: 16 русских и 11 английских первопризнаков, 507 понятийных признаков концепта *лошадь / конь* (24 признака, выявленные в толковых словарях, и 483 – в фактическом материале) и 334 понятийных признака концепта *horse / mare* (20 – в толковых словарях, 314 – фактический материал). Это служит свидетельством того, что прототипические признаки, лежащие в основе создания слова, очень древние, синкретичные, и они до сих пор являются продуктивными в сознании носителей современных языков.

«Контекстуальный анализ понятийной составляющей концептов позволяет резюмировать, что не все существующие признаки понятийного сегмента исследуемых концептов появились сразу. Одни признаки непосредственно соотносятся с мотивирующим компонентом исследуемых концептов и являются более древними, другие же возникли в ходе исторического развития концептов и получения дополнительных характеристик» [Рольгайзер, 2015].

Понятийные признаки свидетельствуют о синхронном состоянии языков, то есть отражают актуальность тех или иных признаков, закрепленных за словом, на современном этапе развития языкового сознания. Они отражают первичные, номинативные, самые представительные признаки, заложенные для распознавания и номинации объектов реальной действительности.

Средняя частота актуализации характерна категориальным (553 – 5,4% и 637 – 6,9%) и символическим (657 – 6,4% и 580 – 6,3%) признакам концептов

русской и английской лингвокультур. Нужно отметить, что количество объективаций категориальных признаков *horse / mare* лишь с небольшим отрывом превышает число *лошади / коня* (то же самое в отношении объективации символических признаков русского концепта к английскому), однако по количеству найденных когнитивных признаков, категориальные признаки русского концепта в два раза опережают английский концепт, что составляет 15% (114 признаков) и 11,4% (50 признаков) соответственно от общего количества признаков в структурах концептов.

Конь в обеих культурах занимает особое место. Лошадь – давний верный спутник жизни человека, это сложный, многогранный и не до конца ясный символ. Как показывают полученные данные, символика светлой и темной стороны лошади занимает противоположные позиции в сознании носителей языка. У концепта *лошадь / конь* обнаружено 30 символических признаков, актуализируемых в 657 примерах, у концепта *horse / mare* – 21 признак с частотой объективации 580.

Мифологическая наполненность концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* очень специфична – она носит двойственный характер, где лошадь является представителем и посредником между царством живых и царством мертвых.

Архаичные образы *лошади / коня* и *horse / mare* в русской и английской лингвокультурах доносятся до нас как исконные (Rhiannon, единорог, Келпи), так и заимствованные (кентавр) символы солнца и лунного культа. Они представляют собой живую и непосредственную проекцию внутреннего мира человека.

Выступая первыми результатами познания мира человеком и одновременно самопознания, миф и религия, донесли до наших дней в сознании русского и английского народов признаки лошади воплощенные в светлом образе птицы и темном образе женщины и троянского коня (тайный замысел).

Малочастотными у обоих концептов оказываются образные признаки (2,04% и 0,3% соответственно). Причем, *horse / mare* в 7 раз уступает *лошади / коню* по актуализации и почти в 4,5 раза – по количеству единиц-признаков.

Образные признаки акцентируют внимание на образности мышления культур, что и обуславливает особенность мышления английского народа понятиями и метафоричность русского: вторичная номинация является наиболее продуктивной для русского сознания, придавая языку большую выразительность.

Таким образом, структуры концептов *лошадь / конь* и *horse / mare* построены по принципу иерархии, где видовое подчиняется родовому. Кроме того, концепт социален и национально специфичен в культурологическом смысле, а общечеловечен – в когнитивном.

Основываясь на оппозиции «универсальное-специфичное» лингвокультурные концепты *лошадь / конь* и *horse / mare* являются и универсальными, отражая общие для всего человечества реалии, и национальными, обладающие этноспецификой, ментальностью носителей

языка, и индивидуальными, содержащими сугубо индивидуальный опыт человека.

Раскрыть современное состояние языка, а, точнее, раскрыть структуру концепта в рамках антропологического подхода к лингвистике, возможно только через погружение в историю языка. В свое время В.Г. Белинский писал: «Знать прошлое надо, чтобы понять настоящее, предвидеть будущее», поэтому лишь диахрония собирает язык воедино и определяет его сегодняшнее состояние (синхронию) и направление завтрашнего дня.

Диахроническое исследование позволяет восстановить внутреннюю форму слова, отражающую понимание человеком природы и себя самого в ней в момент создания соответствующего знака. Восстановление этапов семантического развития слова дает возможность выявить механизмы появления новых значений, т.е. расширения и развития соответствующей категории, а значит, и реконструировать принципы и механизмы мыслительной деятельности. Поэтому картина мира разных народов может по-разному категоризовать одни и те же предметные ситуации. Каждый народ по-своему видит окружающую действительность, и этот факт находит отражение в языке.

Исследование развития анималистических концептуальных структур в диахронии / синхронии и в сравнительно-сопоставительном аспекте – перспективы особых направлений когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в возможности сравнительно-сопоставительного изучения эквивалентных концептов в других лингвокультурах. Концепты *лошадь / конь* и *horse / mare* могут быть проанализированы с позиций психолингвистического эксперимента, а также в рамках структур концептов, репрезентированных синонимами.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, делается вывод о количественной характеристике тех или иных групп признаков в структурах исследуемых концептов, выявляются наиболее частотные признаки, а также общие и дифференцирующие признаки, намечаются перспективы развития данной темы.

По теме исследования были опубликованы следующие статьи: в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Бекмурзаева Ф.Ш. Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь / конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т.21. – № 2. – С. 488–495. – 0,3 п.л. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495.

2. Бекмурзаева Ф.Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 216–225. – 0,4 п.л. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225.

3. Пименова М.В., Алаева С.А., Бекмурзаева Ф.Ш. Коды лингвокультуры в индивидуально-авторской картине мира А.А. Ахматовой // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 81–91. – 0,4 п.л. DOI: 10.37482/2687-1505-V090.

в иных изданиях:

4. Бекмурзаева Ф.Ш. Витальный признак 'движение' концепта *лошадь / конь* и способы его актуализации в русской языковой картине мира // Язык и текст: сборник научных статей / отв. Ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – 100 с. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 6. С. 55–60. – 0,3 п.л.

5. Бекмурзаева Ф.Ш. Лошадь как эталон описания человека в русской лингвокультуре // Инновации в современной лингвистике: Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2016. – 141 с. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 7. С. 20–26. – 0,3 п.л.

6. Бекмурзаева Ф.Ш. Мотивирующие и понятийные признаки в структуре концепта *horse* // Новое в современной филологии: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2017. – Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 8. С. 21–29. – 0,4 п.л.

7. Бекмурзаева Ф.Ш. Образные признаки концепта конь в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов: международная научно-практическая конференция. 12 декабря 2018 г., Казань: сб. материалов / сост.: Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева, Л.Р. Надыршина. – Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 58–62. – 0,2 п.л.

8. Мошина Е.А., Бакирова А.А., Бекмурзаева Ф.Ш. Реализация антропоморфного кода в структурах ландшафтного, анималистического и космического концептов в русской лингвокультуре // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сборник научных статей к 70-летию юбилею доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой / отв. ред. М. В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. С. 64–71. – 0,3 п.л.

9. Бекмурзаева Ф.Ш. Актуализация понятийных признаков анималистического концепта *лошадь / конь* // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сборник материалов XIX Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Е.А. Мошиной. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 170–174. – 0,2 п.л.

10. Бекмурзаева Ф.Ш. Смысловая наполненность концептов *лошадь / конь* и *horse* на примере концептуального признака «военный» // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей - СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 24). С. 83–86. – 0,2 п.л.

11. Бекмурзаева Ф.Ш. Понятийные признаки в структуре концепта *лошадь / конь* в пространстве русской лингвокультуры // Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения», г.

Москва, 3-6 октября 2019 г. / сост. М.В. Михайлова. – Москва: Издательский центр МГИК, 2019. С. 535–544. – 0,4 п.л.

12. Пименова М.В., Бекмурзаева Ф.Ш. Анималоцентризм в лингвокультуре // Языки и культура народов России и стран СНГ: к 80-летию юбилею Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан. Сборник научных статей; под общей ред. М.В. Пименовой. – Изд. 2., доп. – Санкт-Петербург-Казань, 2019. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17). С. 89–96. – 0,3 п.л.

13. Бекмурзаева Ф.Ш. Внутренняя форма слова анималистического концепта *horse* в британской языковой картине мира // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков. Вып. 23 / под общей ред. М.В. Пименовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. (Серия «Концептуальные исследования»). С. 74–79. – 0,3 п.л.

14. Бекмурзаева Ф.Ш. Концепт *лошадь* в русской лингвокультуре (символические признаки на примере вербализатора *конь*) // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22–23 октября 2019 г. / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. – Москва: РУДН, 2019. С. 113–117. – 0,2 п.л.

15. Бекмурзаева Ф.Ш., Бакирова А.А. Понятийный признак «отметина, пятно на лбу животного» анималистического и космогонического лингвоконцептов // Тюркское языкознание XXI века: тюркская лексикология и лексикография: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 10-11 сентября 2019 года / сост.: Э.И. Сафина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 45–48. – 0,2 п.л.

16. Бекмурзаева Ф.Ш. Мифологическая наполненность концепта *horse* в британском языковом сознании // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 270–273. – 0,2 п.л.